

ЗАПИСКИ
ВРАЧА-ПСИХИАТРА
СКОРОЙ

«Молодые» психозы

И вновь жара с духотой одолели. Дождей даже и не предвидится. Синоптики дали неутешительный прогноз: это погодное непотребство продлится до конца августа. На работу я шел с чувством досады. Нет, не из-за погоды. Просто еду взять забыл. Хватился только когда уже на остановку пришел. Ладно, мне же не сутки дежурить, по пути куплю чего-нибудь.

А на Центре обычная утренняя суэта, очередь за наркотиками, будто за товаром в распродажу. Двое старших фельдшеров выборочно проверяют укладки, точнее, их санитарное состояние и сроки годности лекарственных препаратов. А отсюда и нервность у некоторых медиков. Еще бы, ведь за обнаруженную просрочку или антисанитарию можно и стимулирующих лишиться. Хотя, с первого раза, администрация никогда не зверствует.

Из-за очередного приступа самодурства любимого шефа, собрались увольняться все три специалиста по закупкам. А началось все с того, что главный разродился высочайшим повелением: отныне и навеки закупать медицинские изделия только тех марок и моделей, которые нравятся медикам. Казалось бы, ничего плохого здесь нет. Ну зачем, спрашивается, закупать изделия на букву «Г», если от них одни только проблемы?

Но все дело в том, что в бюджетных учреждениях любые закупки проводятся исключительно через аукционы. Нельзя просто так взять и приобрести то, что нравится. Для проведения аукциона на специальной интернет-площадке размещается задание с техническими характеристиками изделия. При этом категорически недопустимо указание конкретной марки. Это является грубейшим, страшнейшим нарушением антимонопольного законодательства. Нет, за такое, конечно же, не расстреляют и даже не посадят, но оштрафуют так, что мало не покажется. Далее, не менее трех потенциальных поставщиков дают коммерческие предложения, после чего проводится сам аукцион. Победителем будет тот, кто предложит самую низкую цену. Это я вкратце рассказал, а в действительности такая процедура намного более сложная и длительная.

Но ведь главный-то не первый день пришел на руководящую должность. Знает прекрасно всю эту закупочную кухню. И тем не менее приказал в категоричной форме. Попытались ему на пальцах разъяснить, что так дела не делаются, однако он и слышать не захотел. «Вам установка дана? Вот идите и исполняйте!». Ну, они и пошли. Заявления на увольнение писать. Понятно, что сразу он их не уволил, велел две недели отрабатывать. Сейчас этот срок истекает, но господин главный даже и не думает отменять свое требование. Ну а сотрудницы тоже не лыком шиты. Уволятся однозначно. И получится, что скорая останется без соответствующих специалистов. А очереди из желающих занять их места почему-то не наблюдается.

Объявили врачебно-фельдшерскую конференцию. Как всегда выслушали доклад старшего врача предыдущей смены. Кроме оперативной сводки, сообщил он и о хорошем событии: фельдшерская бригада провела успешную реанимацию. А самое примечательное заключалось в том, что клиническая смерть была вызвана асистолией — полным прекращением работы сердца. В подобных случаях успешная реанимация является редкостью.

А в завершение начмед Надежда Юрьевна напомнила фельдшерам о предстоящей учебе по ЭКГ диагностике. Да, это дело нужное, ведь у многих фельдшеров с этим беда полная. Однако это не их вина, а пробел среднего медицинского образования. Нет, электрокардиографию они, конечно же, изучают, но лишь в общих чертах.

Почему-то не вышел на работу врач реанимационной бригады Кузнецов. На телефонные звонки не отвечал. Как-то это очень странно. Сергей Витальевич — человек исключительно порядочный, уж если бы что случилось, он бы обязательно позвонил. Но и подозревать что-то плохое, тоже нельзя. Ведь тогда бы супруга сообщила. В общем, пока будем работать без первой бригады.

Вот и первый вызовок подоспел, как всегда, в десятом часу. Поедем на травму ноги с кровотечением у мужчины тридцати трех лет. Поскольку ждал он нас у речки за городом, можно предположить, что наступил он на что-то острое, когда купался.

Встретила нас развеселая компания из двух дам и двоих мужчин. Нда, как-то раненько начался процесс злоупотребления. Времени еще десяти нет, а господа уж весьма хороши.

Все они, хором, на повышенных тонах стали вопить, мол, почему вы ехали так долго, если он умрет, то вы отвечать будете! Возражения, что мы приехали через тринадцать минут, при нормативе не более двадцати, в расчет не принимались. Мною давно замечено, что для крепко поддатых людей, время течет медленнее. И даже если б мы приехали через пару минут, то их претензии остались бы неизменными.

К счастью, пострадавший даже и не думал помирать. Несмотря на действительно сильное кровотечение, давление он держал, был бодр и задорно матерился. Оказали мы ему положенную помощь и в травмпункт увезли шиться. Группа поддержки вознамерилась было с нами ехать, но катать пьяную гоп-компанию в наши планы не входило. А потому, господа были «посланы» решительно и незамедлительно.

Теперь поедem на психоз у молодого человека двадцати трех лет. Да, помню я этого больного. По-моему, в апреле мы его госпитализировали. Возбужденный он тогда был, агрессивный, свою мать оскорблял страшно. Но, правда, без полиции все обошлось.

Мама больного встретила нас очень доброжелательно:

— Здравствуйте! Вот, как хорошо, что опять вы приехали!

У Гриши все по новой началось, «голоса» появились.

— Ну а сам-то он как? Не злой, не агрессивный?

— Нет-нет, в этот раз он нормальный. Да и вообще, он последнее время спокойнее и послушнее стал. Никуда не рвется, лежит-полеживает, да играет. Вот только помыться и переодеться долго уговаривать приходится. Кстати, в этот раз он не возражал против вызова скорой, представляете?

Больной лежал на диване перед телевизором.

— Здравствуй, Гриш! Как твои дела? Что беспокоит?

— Да опять меня голоса задолбали! А еще какой-то стук непонятный.

— Голоса что говорят?

— Всегда по-разному. Иногда ругаются, иногда передразнивают, а то просто какую-то фигню несут.

— А ничего не заставляют?

— Нет, ничего такого.

— Уже хорошо. Ну а ты как считаешь, эти голоса из-за болезни, или они реально существуют?

— Может, конечно, из-за болезни... Но я пока не хочу об этом думать.

— Гриш, а чем ты вообще занимаешься?

— Ну-у-у... даже и не знаю... кино смотрю, музыку слушаю, иногда играю.

— В «стрелялки»?

— Нет, в стратегию.

— А получить образование и работать не хочешь?

— Не, не хочу. Я в юридическом колледже учился, после первого семестра отчислился. Не, ну на фиг эту работу, я человек творческий.

— Ясно. Ну а твое творчество в чем выражается?

— Не знаю, я пока еще не определился.

— Ну а все-таки, вот что бы тебе понравилось, для души?

— Хм, ну, овощеводство, например.

— А разве овощеводство — это творческая деятельность? В чем тут творчество заключается?

— Ну, я хочу покупать помидоры разных сортов и выращивать.

— Понятно. И еще, скажи, пожалуйста, весной ты называл себя Михаилом Архангелом. Это было перевоплощением?

— Нет, я одновременно был и собой, и им.

— Это как сон был, или наяву все происходило?

— Даже и не знаю... Ну, вроде как в фантастическом мире все происходило.

— Ну что, Григорий, в больницу поедем?

— Поедемте, если надо.

Что же за болезнь у Григория? Однозначно эндогенный процесс — шизофрения. В какой именно форме? А вот тут поостерегусь с однозначными выводами. По моему скромному мнению, у Григория была некая окрошка из множества шизофренических форм. Однако же ингредиенты параноидной шизофрении, не были заметны. Не уловил я идей преследования, воздействия, отношения.

Мама Григория порадовалась, что тот стал послушным и спокойным. Но в действительности, это не улучшение состояния, а признаки формирующегося шизофренического дефекта. У Григория нарастает негативная, дефицитарная симптоматика. Выражается это в эмоционально-волевом оскудении и снижении жизненной активности. Так что, поводов для радости, к сожалению, нет.

Нет, без работы нас никогда не оставят. Поедем в отдел полиции к мужчине шестидесяти лет, который с чего-то решил запсихозничать.

В дежурной части майор рассказал:

— Привезли его из магазина «Притяжение», он там стеллаж алкоголя расколотил. Но убежать даже и не пытался, стоял

и улыбался как дурак. Хотя, тут можно и без «как» обойтись. Разговаривать с ним вообще невозможно, несет какую-то бессмыслицу. Документов у него нет, о себе ничего не говорит. В общем, так мы ни до чего не дознались. Идите, может у вас получится.

Признаться, ожидал я увидеть некоего маргинала-деграданта. Однако в клетке сидел прилично одетый седовласый мужчина, весьма представительного вида. «Дили-дили-или», — многозначительно сказал он и внимательно посмотрел на нас.

— Ну да, как-то так. Вас как зовут?

— Зовут-не зовут, а у двух братьев из этого дома вчера были три тэ. Но это не та система. Вот и думайте, как летать туда-сюда. Мне тоже, извините, не очень нравится, что после света нужно убегать куда-то.

— Все правильно. Ну а зачем вы в магазине погром устроили?

— Нет, нужно по-другому погром перечислять. Ведь магазин куда уносят? Тут и площадь, и инженеры, и автодороги с женским хором. Дили-дили-дили, вот и решайте без утверждений и всяких непонятных потоков.

— Да, согласен, тут с вами не поспоришь.

У этого больного была шизофазия — речевая разорванность. Несмотря на грамматически правильное построение предложений, общий смысл сказанного был совершенно непонятен. Возникает эта бяка от того, что нарушается логическая последовательность ассоциаций. Например, у человека с ненарушенным мышлением, эта последовательность может выглядеть так: веселье — радость — улыбка — праздник — хорошее настроение. А у больного с шизофазией, вот так: веселье — пальто — комары — дерево — портфель.

Шизофазия — это не самостоятельное заболевание, а всего лишь один из симптомов, чаще всего, шизофрении. И здесь надо подчеркнуть, что симптом необязательный, возникает он далеко не у всех больных. Но поскольку «шизофренические»

диагнозы на догоспитальном этапе мы выставять не вправе, ограничился я дежурным «бредовое расстройство».

В итоге, свезли мы больного в психиатрическую больницу как неизвестного.

А дальше нам обед разрешили. Эх, чуть не забыл: я ведь сегодня без еды на работу-то приперся. А потому, в магазин заехали. Мои парни тоже кой-чего прикупить решили. Стоим у кассы, впереди нас двое. И тут смотрим, как какой-то весьма податый молодой человек докопался до невысокого мужчины интеллигентного вида.

— О, гля, йогуртов набрал! Наверно, здоровым будешь, да? О, блин, да у тебя еще и перстень на пальце! Ты че, крутой мэн, да?

— Слушай, да чего ты ко мне прикопался, иди уже своей дорогой! — ответил мужчина.

— Не, а ты че такой борзый-то, а? Че, побазарить, что ли, хочешь? Короче, выходи, я тебя на улице жду!

— Не, дружище, погоди, ща мы расплатимся, и ты с нами побазаришь! Жди нас и никуда не уходи! — сказал фельдшер Гера, внушительно возвышавшийся надо всеми.

— Да уж, давай-ка на деле проверим твою крутизну! — добавил фельдшер Виталий, хоть и не такой высокий, но тоже крепкий и мускулистый.

— Не, вы че, мужики? — испуганно уставился на них парень, мгновенно утративший свою храбрость. — Какая крутизна? Я просто спросил и все!

И после этих слов мгновенно испарился, словно его никогда здесь и не было.

У медицинского корпуса стоял и мрачно дымил врач Прохоров.

— Иваныч, Сергей Виталич умер.

— Эх, е мое! А как же получилось-то?

— Он на даче один был, жена дома осталась. Сегодня, когда он на работу не вышел, Викентич до него дозвониться не смог. Тогда жене позвонил. Она туда приехала, смотрит, на столе

стоит тарелка супа, а он мертвый в кресле, уже окоченевший. Вот так... Про похороны пока ничего неизвестно, вскрытие будет завтра.

— Нда... Ему сколько было-то? Лет пятьдесят?

— Да что ты, Иваныч, шестьдесят четыре! Просто он выглядел моложаво.

— Деньги, как всегда, Андрей Ильич будет собирать?

— Нет, на этот раз старшие врачи по сменам.

— Ладно, пойду Викентичу сдам.

Да, вот и еще одно доказательство, что здоровый образ жизни не является надежной страховкой от преждевременной смерти. Покойный Сергей Виталич отродясь не имел вредных привычек, не позволял никаких излишеств, был спортивным, закаливался, всегда держал себя в тонусе. А вот поди ж ты...

На обед я себе купил, стыдно признаться, лапшу-бэпэшку. Нет, не потому, что денег не было, просто очень люблю я это дело. Дома-то мне супруга не разрешает такое есть. Но когда все же изредка соглашается, то строго-настрого предупреждает, чтоб не вздумал кому-то рассказывать. Мол, подумают люди, что жена вообще ничего не готовит.

Ну и все, пообедали, теперь можно и прилечь.

Да, вот это прилег! Смотрю, Виталий с Германом уже бодрствуют, на кухне чаек попивают. Во, говорю, времени скоро пять, а у нас еще ни в одном глазу, ну в смысле, ни одного вызова! И только сказал, как сразу вызов прилетел. Ну и поделом мне. Ведь нарушил я одну из скоропомощных заповедей: никогда не радуйся вслух спокойствию на смене! Поедем на травму головы у мужчины сорока девяти лет.

В маленьком частном домишке было грязно и неудобно. Небритый мужчина с распухшим носом, подбитым глазом и залитым кровью лицом, прижимал к голове какую-то тряпку.

— Что случилось, уважаемый?

— Да так, с бабой своей поцапался...

И тут, как грозный тайфун, влетела разъяренная женщина.

— Что, жалуешься, да, сволота пользованная? Ты че, разве не за дело получил? Кто меня «дыркой» и «помойкой» назвал, а? Да за такие слова я тебя вообще, <самка собаки>, могла резать <на фиг>! Я шесть лет отсидела за тяжкие телесные, меня зона не пугает!

И она, надо сказать, была весьма убедительна. Фельдшеры мои уж собрались ее выпроводить, но она, быстро остыв, сказала:

— Не, парни, все, хорош. Больше не буду его обижать. Он и так, по жизни обиженка. Сейчас я вещи соберу и уйду от этой падали.

На темени — весьма приличная ушибленная рана, продолжавшая кровить. Пострадавший был каким-то сонливым, заторможенным, жаловался на головную боль и тошноту. Нда, как бы тут не оказалось перелома свода черепа с гематомой.

В приемном отделении городской больницы мои опасения, к сожалению, полностью подтвердились. А потому, увезли мы его в нейрохирургию областной больницы. Да, вот такие пока тушки у нас получились.

А теперь поедem на психоз у молодого человека двадцати одного года. Хм, за сегодня это уже второй случай «молодого» психоза.

Заплаканная мама больного рассказала:

— Он с пятнадцати лет болеет, инвалид детства. Я уж со счета сбилась, сколько раз он лежал. Но толку никакого. С каждым разом все хуже и хуже становится. В этот раз он и таблетки пить перестал и на укол не пошел. Зачем, говорит, ведь у меня уже все нормально. Ну, вот тебе и нормально. Вторую ночь подряд вообще не спит, стал злым, дерганным. Сегодня меня по лицу ударил.

Больной, высокий, нескладный, весь какой-то взъерошенный, беспокойно ходил по комнате, при этом нелепо гримасничая.

— Здравствуй, Олег, что случилось?

— Ничего, все нормально. Зачем ты их вызвала, а? Ты че, опять меня отправить хочешь? Да я тебя вообще размажу! — накинулся он на мать.

— Так, Олег, а ну, прекратил быстро!

— Слышь, док, я тебе пять штук дам, увези ее в дурку!

— Олег, я с тобой на брудершафт не пил! Веди себя прилично!

— А что такое бутершафт?

— Все, проехали. Расскажи, зачем ты маму ударил?

— Да это не я! Здесь у нас дьявол живет, вот он ее и ударил.

— То есть, он в тебя вселился, что ли?

— Нет, не вселился. Просто он моей рукой действовал. Да это и не удар был, а просто пощечина несильная!

— А ты его видел?

— Нет, вживую не видел, но мысленно представляю: высокий такой, весь в черном, как в балахоне. А вот какое лицо, я не знаю — из-за капюшона не видно.

— Ты сказал, что он здесь живет. Это в квартире, что ли?

— Ну да, я иногда замечаю краем глаза чего-то черное, вроде как тень.

— Он с тобой разговаривает?

— Да, говорит. Ругается, обзывается, иногда мои мысли повторяет. А сегодня еще и угрожает, что порвет меня, голову взорвет. Вот только я никак не пойму, с чего он ко мне присрался?

— Ничего тебе не приказывает?

— Иногда говорит, чтоб я от матери ушел или избил ее.

— Олег, а как ты считаешь, вот это все от болезни?

— Ну, я не могу так сказать, что вот прямо все.

— А ты постарайся, отфильтруй.

— Ну... бессонница... потом, когда все раздражает, когда голова болит — это болезнь.

— Так, а дьявол — не болезнь?

— Думаю, что нет. При чем тут болезнь? Ведь есть же и Бог, и Дьявол. А вы неверующий, что ли?

— Как сейчас модно говорить — без комментариев. Лучше скажи, ты не замечал, что незнакомые люди что-то говорили о тебе?

— Хм... ну мне всегда дают понять, что все будет нормально и дьявол мне ничего не сделает.

К сожалению, на руках у них не было никакого официально-го документа с диагнозом. Поэтому, могу лишь предположить, что у Олега — параноидная шизофрения с непрерывно-прогрессирующим течением. Углядел я у него элементы трех видов бреда: преследования, воздействия и отношения. Однако мои размышления к делу, то бишь к истории болезни, не пришьешь. Нарисовал галлюцинаторно-бредовый синдром, с которым и свез Олежку в стационар.

Ну а теперь поедem к мужчине сорока девяти лет, которому плохо. Он был пьян и ждал нас у пешеходного перехода.

Когда подъехали, я аж глазам своим не поверил: ведь это ж был Максимка собственной персоной! Я уж думал, что его давно и на свете-то нет, а он вон, сидит-посиживает на обочине проезжей части! Для тех из вас, кто еще незнаком с этим замечательным персонажем, поясню. Максимка не бомж, живет со старенькой мамой в благоустроенной квартире.

Но и назвать его просто алкоголиком язык не поворачивается. Это все равно, что академика назвать просто специалистом. Алкоголизм для Максимки — это не только дело всей жизни, но и религия, через которую он регулярно достигает nirваны. Ведь что может быть лучше, чем, упившись до феерического состояния, завалиться в грязь? А уж если еще и до кучи рожу свою разбить, то вот оно — состояние высшего блаженства и абсолютной гармонии!

Но при всем этом, Максимка — существо добрейшее и безобиднейшее. Представьте себе, даже матом не ругается! Известен он всей скорой, включая педиатров. Хотя бы раз в смену обязательно поступает вызов от заботливых прохожих с поводом «человеку плохо». Но в действительности, этому человеку очень даже хорошо. Вот только окружающие этого не понимают.

— О-о-о, здорова, Максимушка! Ты где пропадал-то?

— Здоров, старый! Да меня мамка «закодироваться» заставила на год. Восемь месяцев не бухал, терпел. А потом думаю, да зачем мне такая бессмысленная жизнь? Почему я должен сам себя свободы лишать? Короче говоря, взял и снова забухал.

— Ну а сейчас что случилось? Зачем нас к тебе вызвали, ведь ты же не совсем пьяный?

— Гы-ы-ы, а был совсем! Присел вот тут, посидел, теперь нормально стало.

— Надеюсь, в вырезвитель не поедешь?

— Не-не-не, старый, конечно не поеду! Мне по делам надо срочно, меня люди ждут!

— Ну, раз так, то не смею задерживать!

И отправился Максимка по своим важным алкоголическим делам, быстрой, почти уверенной походкой. Ну а мы поехали на следующий вызов: эпилепсия у мужчины сорока трех лет.

В однокомнатной «хрущевке» было невообразимо грязно. Это как раз тот случай, когда бахилы нужно надевать всенепременно. Для защиты собственной обуви.

— Его потрянуло сегодня. Эпилепсия у него, — хрипло сказал грязный, опухший мужчина непонятного возраста. — Обычно-то он протрясется и через полчаса встает, как будто ничего и не было. А тут уж часа два вообще не шевелится. Вон он на кухне лежит, посмотрите.

Ну что ж, посмотрели, конечно. Лежал он на полу, лицом вниз. Даже не обладая специальными познаниями, любой бы сразу понял, что это — труп. Однако мозг товарища покойного, был напроочь съеден токсической энцефалопатией и отказывался понимать очевидное.

— Да вы чего? — удивился тот. — Он же теплый! Может, рини... риниминируете его?

— Во-первых, покойников мы не реанимируем. А во-вторых, при температуре восемнадцать градусов, труп остывает в среднем по одному градусу в час. Сейчас жара, поэтому он вообще не остынет.

На бедного мужичка было больно смотреть. Его многострадальный мозг физически не мог справиться с непривычным обилием информации.

— Так, все, ладно, не порти голову, а иначе пить будет нечем.

Вызвали полицию и стали ждать. А куда деваться? Минут через тридцать прибыл наряд ППС. Записали они наши данные и отпустили восвояси.

Вот и закончилась на этом моя смена.

А на следующий день, опять меня лес не порадовал. Нет, грибы-то были и, в основном, не червивые. Вот только из-за хронического обезвоживания, были они изможденными и невеселыми. С 30 и 31 августа хорошие дожди и похолодание обещают. Может, хоть в сентябре хроническое безгрибье закончится...

Все фамилии, имена, отчества изменены.